

Горькій о землетрясеніи въ Сициліи.

Съ нѣкоторымъ запозданіемъ выходитъ книга М. Горькаго „Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи“ („Знаніе“) съ приложеніемъ статьи проф. В. Мейера „Въ разрушенной Мессинѣ“ и цѣлымъ рядомъ фотографическихъ снимковъ. Несмотря на сравнительную уже отдаленность событія и общеизвѣстность приводимыхъ М. Горькимъ фактовъ, его изложеніе производитъ впечатлѣніе и живо возстановляетъ въ памяти ужасную катастрофу. Новымъ въ книгѣ Горькаго является описаніе того чувства братской солидарности, которое объединило весь итальянскій народъ, потрясенный страшнымъ бѣдствіемъ.

„Усиленно подчеркивая безсиліе и неспособность бюрократическихъ организацій,—пишетъ Горькій,—гг. корреспонденты не позаботились въ должной мѣрѣ ярко освѣтить работу самого народа, удивительные примѣры быстроты и силы, съ которой создавалась организація помощи самимъ населеніемъ“.

„...Въ тотъ день пали соціальныя перегородки, разъединяющія людей, не было болѣе богатыхъ, бѣдныхъ,—явился объединенный общимъ горемъ великій народъ. Онъ вышелъ на улицу въ этотъ враждебный югу дождливый и холодный день, и немедленно всюду явились ораторы; они встали на площадяхъ и перекресткахъ улицъ, къ ихъ ногамъ полетѣли отовсюду пиджаки, фуфайки, брюки, сапоги; люди торопливо раздѣвались на улицѣ, сбрасывая съ тѣла своего все, что можно сбросить, чтобы не стать смѣшнымъ. Въ шляпы ораторовъ-сборщиковъ падали деньги, кольца, серьги, часы, булавки галстуковъ,—все это въ день горя стало лишнимъ и оскорбляло глаза своимъ блескомъ. Собирали даянія студенты и буржуа, собирали солдаты, женщины, офицеры; всѣ они отличались другъ отъ друга только платьемъ, во всѣхъ грудяхъ билось одно сердце.

„...Пароходы грузились добровольцами изъ народа; зажиточные люди, интеллигенты, солдаты легко и свободно подчинялись въ работѣ указаніямъ профессионаловъ-грузчиковъ порта...

„Особенно ярко вспыхнулъ и разгорѣлся въ эти темные и ненастные дни глубокой, благородный демократизмъ Италіи. Герцогъ Аостскій, двоюродный братъ кофоля, членъ „центрального комитета помощи“, цѣлые дни на шумныхъ улицахъ Неаполя... Никто не удивляется, видя герцогиню жестикулирующей на тротуарѣ, подъ дождемъ, въ группѣ полураздѣтыхъ, забрызганныхъ грязью людей; никого не удивляетъ, что всѣ говорятъ съ нею свободно, безъ глупѣйшихъ внѣшнихъ знаковъ почтенія, но глубокое уваженіе къ женщинѣ не нарушается ни словомъ, ни жестомъ“.

„Да, странно и до боли завидно,—говоритъ Горькій,—наблюдать эту яркую, свободную, прекрасную жизнь экспансивнаго и сердечнаго народа... Гнетущее душу впечатлѣніе трагедіи, разрушенія и смерти невольно таетъ, исчезаетъ при видѣ этой могучей картины жизни, полной въ сей день глубокимъ чувствомъ братскаго единенія* всѣхъ со всѣми,—жизни, которая образно и ярко говоритъ о возможности въ будущемъ великихъ дней, годовъ и вѣковъ соединеннаго дружнаго строительства новыхъ формъ бытія, возможности единой, упорной и побѣдоносной борьбы всего человѣчества противъ главнаго и сильнѣйшаго врага его,—стихи“ . („Рус. Вѣд.“)